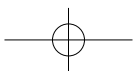
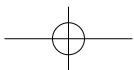

еврения рид

возвращаясь к легкости

ЕВГЕНИЯ РИЦ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

поэтическая серия **объединенного гуманитарного издательства** и клуба «проент о-г-и»

0-Г-И
Москва 2005

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос-Рус)6-5
Р56

Координатор проекта Олег Шатъбелко

«Сопромат» — серия книг новейшей русской поэзии. Хотя обильный вектор поэтики авторов серии (или, если угодно, преемственность) достаточно точно и совсем не случайно определен выбором авторов предисловий, было бы неправильно пытаться объединить их какой-то единой концепцией. Серия — скорее констатация поэтического единства пространства и времени для авторов, сначала как литературно-виртуального сообщества «Полутона» (www.poltona.ru), а потом и его вполне «реального» воплощения в качестве Калининградского поэтического фестиваля *СЛОУИИО 2003–2004* гг. Почему «Сопромат»? У каждого автора серии есть свое, точное, однозначное толкование названия серии. Свои, так сказать, контекст. А вот общего, извините, нет.

Рид Е. С.

Р56 Возвращаясь к легкости / Евгения Рид. — М.: ОГИ, 2005. — 72с. — (Проект ОГИ / Сопромат).

ISBN 5-94282-318-9

Родилась в 1977 году в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и аспирантуру. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Нижний Новгород», «Октябрь», «Вавилон» и «Рефлект».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос-Рус)6-5

ISBN 5-94282-318-9

© Е. С. Рид, 2005
© С. Львовский, предисловие, 2005
© Клуб «Проект ОГИ», серия, 2000
© ОГИ, 2005

МЕТАМОРФОСЕОН

Ну вот, представим себе обычный день, из тех, что знакомы любому жителю зоны рискованного земледелия, 256 градаций серого, прохладно, уже, скорее, холодно, вероятно, осень. Город конечно, — неважно, какой. Люди, троллейбусы, ровное небо, красок почти никаких нет, да и откуда бы. Иногда моросит дождь, но едва-едва. Идешь по городу и бормочешь про себя что-то: слова, фрагменты, они выстраиваются в какие-то недолговечные ритмические конструкции — на прерывистом дыхании, на сбивающемся ритме шагов, постепенно укладываясь в танграм, — получаются бумажные ощущения; сложись немного иначе — получится кто-то другой. Дунешь — они оживают.

Это очень тихая книга, по нынешним временам — редкость. «Тихая», наверное, не совсем то слово — очень спокойная по интонации.

Ну и что изменилось бы, изучай ты
английский вместо немецкого?
Те же чайки
над помойками местного
присожжения.

Здесь не будет фразы о том, что это спокойствие — обманчивое. Нет, оно совершенно настоящее — и тем оно важнее. Все, что происходит в текстах Евгении Рид, происходит в обывательном мире, в середине дня, такого как в первом абзаце, вечером того же дня, на той улице, которая каждому из нас знакома до мелочей. Эта скучность на краски, отсутствующие «в каталоге средней полосы», очень привлекательна — наверное, потому, что на ее фоне виднее

мелкие, неожиданно яркие детали, которые, собственно, только и важны:

Девочка-продавщица — тонконосый смешной тотем —
Говорит подружке: «Захвати мой скраб».
Я стою лицом к ним и упрямо слежу за тем,
Как покачивается на стекле
Водителя пластмассовый синий краб.

Внятная негромкая речь, чередующая два основных сюжета. Первый — о трансформации существ и предметов, о том, как кости становятся мелом, а смерть превращается в небольшую птицу и вьет гнездо на затылке; метаморфоза происходит мгновенно, на протяжении одной строки — и как-то буднично: смотришь, а все уже переменялось, всего чуть сдвинулось, вроде, а уже не узнать. Второй сюжет — о теле, которое автор видит отчужденным взглядом. *Подтягивать к животу / как колени колхую немому.*

И тут ничего уже нельзя сделать,
Потому что так хочет мое тело.
А еще оно хочет забиться в шелку,
С куклолу старь, с иглолку.

Не только немота становится частью тела, но и усталость превращается в совенка, живущего в хребте, а перо в бонку — не жаргонизм, а ощущение птицы. Человеческое тело в этих текстах голкается и разговаривает как-то само по себе, изнутри, в нем на равных живут качества, состояния и органы, эмоция получает прописку в анатомическом атласе, застенчивое нечто шевелится, речь дышит хлебом. Ключевая функция тела — дышание, тесно связанное с говорением, с голосом. Роговая полость не удерживает голос, дышание обнажает горло.

Ты думаешь, это антел лег тебе на крыло
И накрыл тебя с головой,
А это воздух покинул твою гортань
И становится сам не свой.

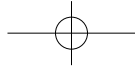
Вдох обращается выдохом извне. Выдох — голосом, голос — речью. Все это нелегко, почти непромысловальная деятельность дыхательной системы дается с трудом, требует осознания — хороша метафора работы с обывательным языком, трансформации его в поэтический. Тут, на слове «трансформация», два сюжета смыкаются.

Предметы легко заимствуют признаки друг друга, молоко становится талым, но в результате ничего не переопределяется, это они так заимствуют, как бы на время жизни стихотворения, — взяли подержать, чтобы все стало ясно, а потом поменялись обратно.

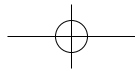
Идти по городу днем, слышать собственное дышание, видеть все, называть негромко, но внятно, поменять местами, чтобы стало яснее. Иногда так ясно, что непонятно, как с этим дальше быть:

Но если бы хватило силы
Мы ничего другого, кроме,
Бы не просили,
О — как вкусно — тили-тили —
Подходит тесто —
Любое место будет пусто —
И наше место.

Станислав Львовский

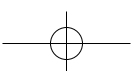
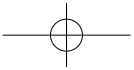

—

* * *

Терпение — как рыба терпук, —
Его не подают на свадьбах —
И только меж ладоней теплых
Оно тихонечко оседает,
Глазниц прозрачные провалы
Заполнит взбитыми белками,
Такое нам не подавали,
Да мы бы сами есть не стали.
Так, на седьмом столе без соли,
Но если бы хватило силы
Мы ничего другого, кроме,
Вы не просили,
О, как искусно — тили-тили —
Подходит тесто —
Любое место будет пусто —
И наше место.

* * *

Вот, опять белье постельное предлагали —

Желтые звезды на синем фоне,

Жаль, не умеют болтать по фене —

Офени бродичие, осенние пережитки.

Вон, соседке одна на днях ворожила —

Смерть у тебя в волосах, говорит, сидит,

Дай, говорит, отважу.

И не отвяжешься ведь —

Выманила золотые сережки,

Кольцо с безымянного пальца.

Новое почтти покрывало.

Ту, конечно, потом поминнай как звали,

А у соседки с торя полголовы поседело.

А смерти что — сидит себе как сидела,

На затылке гнездо сплела, как на ветке,

Выстелила очёсками и клоочками,

А как выглудятся малые детки —

Будет мошками их кормить, червячками.

Шляются тут всякие по подьездам;

Домофон бы надо или замок железный.

* * *

Ощущая на ощупь ступени босой ступней,

Постепенно отучаешься чувствовать себя собой,

Не менее постепенно научаешься шороху и песку,

Молчаливому плеску, судорожному плотку

Миндалиц, дальним краем царяпающим торгань.

— Встань, — говорит, — и иди, — говорит, — достаь, —

Говорит, — Луну.

А что? Я выгну ее из груди?

Обрывается и беззвучно идет ко дну

Что-то, доселе мажчившее впереди.

Разминая требками размокший вчерашний мох,

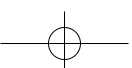
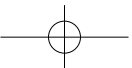
И прибками проросший порох, и хлебную дребедень,

Отчего не спрашивать — как он мот?

И особенно — в этот день...

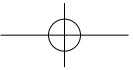
Тень безвольно падает на песок,

По себе оставляя тень.

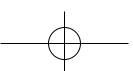
* * *

Возвращаясь к легкости, ероша кончик ее крыла,
 Спрашиваешь: как могла
 Потерять этот тягучий стыд?
 Он гнезвился меж выемок лона и ямок ланит,
 А теперь он судорогой сведен на нет,
 И монет-
 Ка падает на ребро,
 На ребре выжигая след
 И таможня дает добро,
 Потому что тамошнее серебро
 И на ощупь легче, и на просвет.
 На простой вопрос подбираю шестой ответ,
 И каждая борозда подходит к своему ключу,
 А не выпитая с лица и ресниц вода
 Устремляется к своему ключу,
 И ключицы распахнулись без стыда,
 И личинка слезает,
 И я лечу, —
 Господин, но куда?..

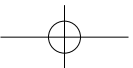
* * *

Нак беспризорник вожделеет Крыма,
 Так ничего не знаю, кроме
 Твоей щеки, хранящей комья
 Не крови, а чего-то свяще.
 Как беспризорник вожделеет крыши,
 Так ничего и слышать не желаю,
 С полупрозрачным привкусом железа
 Я засытаю на твоей спине.
 Сги, мне осталось только продышать,
 Отважный воздух выдыхать сквозь кожу,
 Где скошен путь от ямки до плеча,
 Доплачивая медью за молчанье,
 Что метит в цель, но попадает мимо.
 Так темени уже не светит нимба,
 Но мелкая монета Междуречья
 Покроет все случайные расходы,
 И только если ты меня расхочешь,
 Я сразу перестану быть дождем,
 Который вниз по глобусу стекает —
 Как признанные ложными стимулы,
 С тобою мы в бесстыдстве заживем.

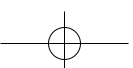
* * *

Материнскую плату вносят вперед ногами.
 Нагота изнутри неприглядней одежды на.
 Света Надежкина тоже училась с нами,
 А куда она делась потом, не знаю,
 Но когда всё кругом назовут именами,
 То куда потом деваются имена?
 Семена сторыны вызывают споры
 В семье и нарекания с вышестоящих мест;
 Неуместны речи мои, но поры
 Тем не менее дышат хлебом, который никто не ест.
 Несколько легких слов — и голос,
 Терпящий голос, но набирающий высоту,
 Выпорхнет, и роговая полость
 Не удержит больше его во рту.

* * *

Мне досталось не по заслугам,
 И я так и осталась,
 Как утомительная Засулнич,
 Качаться между кистью твоей и предплечьем.
 Ну куда ты меня засучнешь,
 Синей тушью урекочечкишь?
 Увечье каждое делится надвое:
 На твое, а свое я себе оставлю.
 За что боролась, на то и на-
 До боли закусывая, чем мать родила.
 Дела, казалось, доведены до ручки,
 До родники у большого пальца,
 Оказалось, не стоило и пытаться,
 Потому что не выйдет лучше
 По излучине на грядке.
 Гляди, мы опять напачкали, наследили.
 А помнишь ту притчу о Насреддине?
 Она обрывается где-то на середине,
 И в этом, кажется, ее соль и правда;
 Правда, в этом немного смысла,
 Но как осмелилась, так и повисла.
 А сегодня пришла повестка:
 Вроде близко, да не хватило блеска,
 И поэтому идти перелесками,
 Оврагами, а вратами —
 Что ж, одним больше, другим — левее.
 На, подуй, чтобы не так болело.

* * *

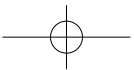
Лепра

Оплетает, расщепчивает изнутри —
 На, посмотри —
 Там, слева —
 Следом пойдём —
 Слепленным, как стопа,
 Как гвида-скопа,
 Как обделенная кожа,
 Слетнувшая от твоего снопа,
 Теплящаяся у твоего столпа.
 Толпа
 Разорвет нас на сувениры,
 На сверкающие сувениры,
 И да прибудем мы сувенирными...
 Нет, нет, не так,
 Совсем не так —
 Здесь не хватит и на плотонок!
 Ах, если б твои проказы
 Могли излечивать от проказы,
 Не нужны были бы ни почести, ни приказы.
 Прикрой мне спину —
 Я разучилась говорить по-собачьи,
 И это что-нибудь да значит —
 Дознание назначено на послезавтра —
 И здесь бы следовало прослезиться,
 А на прощанье следует полизаться —
 Полезай себе на железные стены,
 И, как было сказано выше, в темпе —
 Тем-то и тем-то
 Повезло чуть больше —
 Они отсюда уже сброшены,
 Обращены и не сброшены —

Врека от времени
 Падает недалеко —
 Собирай пригоршнями
 Талое молоко.
 А когда я рисую тебя снаружи,
 То себя, получаюся, изнутри —
 Изнуренные руки справились бы не хуже,
 Но мы выбираем не их, а штри-
 Хи на поверхности плоти,
 Ее коросту,
 Струющуюся бересту —
 Постучи по дереву,
 И там — в омуте,
 В огнемете —
 Что-то ответит на стук.

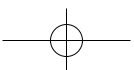
* * *

Мои слова абстрактнее меня.
 Они не обладают сотовой частью
 Моей конкретики, ее корректной властью
 Над каждым волоском моей руки.
 Голосовые связки не роят,
 И не взойдет из впадины плуточной,
 И звукоряд
 Воды моей проточной
 Собою не наполнит позвонки.
 Позволь и мне на левой половине
 Свернуться бусиной. Довольная отныне,
 Я никого собой не забуду,
 Подобно как задуманный ребенок,
 Не покидая створок и скорлуп,
 Возносится на ветхой плутовине,
 Его обвившей, точно худа-хуп.
 Халуга-речь меня не всю вмещает,
 Но где-то там, за стенкой, в глубине
 Шевелится застенчивое нечто
 И ничего не знает обо мне.
 Обманчивая нежность быстройпечна,
 Но если невод вытащит извне,
 То это будет тихо и беспечно,
 И даже так — тепло и бесконечно —
 Как дышит горло, голое вдвойне.

* * *

Положив под голову жесткость,
 Набив желудок травой,
 А дыхание — пенопластом,
 Понапрасну
 Чувствуешь себя живой —
 И уместней оказывается не жест,
 Но вой,
 И кость
 Становится поперек нутра,
 И кора
 Накрывает тебя с головой.
 Где пневмивая нежность
 Оказывается дороже сна,
 Прежде, чем выдохнешь,
 Сочти до ста —
 Достаешь
 Где хочешь,
 Но обрети покой —
 Пропитанный пропастью,
 Никакой.
 Носки со следа сбиваются —
 Все сбивается —
 Думай, о чем говоришь, —
 Думай, что выдыхаешь,
 Когда горюшь, —
 Тебе лихорадка,
 А прочим — лесной пожар.
 Продолжай
 Дымиться из самых пор —
 Ты до сих пор
 Не чувствуешь, что же произошло?

Е В Г Е Н И Я Р И Ц

Ты думаешь, это ангел лег тебе на крыло
И накрыл тебя с головой,
А это воздух покинул твою гортань
И становится сам не свой.

* * *

Нак старый хиппан, переживший свой возраст,
Оранжевый воздух сквозь кожу выпускаю,
Я тоже така, хотя не така,
И что-то там тикает, токает, тает, —
Потасканных венок вен к растопега, —
Тошнотная сладость, лакричная морось —
Ты тоже так сможешь, тире, запяга, —
От тела дыга, надежда не тыга, —
Попытка — не пылко, а талку — не жалко,
И жилка дрожит — на виске приживалка,
А я — прихожанка в забытой прихожей,
Под кожей, на кожу уже не похожей.
Потом ты положишь ладонь на запястье —
Затасливый жест, никому не присущий,
Почти непристойный, когда бы не холод...
С шипением воздух сквозь рваную душу
Так жалко выходит.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

* * *

Зимнюю обувь съедают соль и песок,
 Проникают до кончиков ног.
 Добавь мне слово, и будет два —
 Это уже не слова.
 Слюда гадает с неба туда и сюда,
 Не оставляет ни следа, ни стыда,
 Стыдла местность едва жива;
 Здесь нет ни времени, ни примет,
 И только воздух слегка прикип;
 Взгляд натывается на предмет,
 Но не опознает.
 Позднее станет совсем темно,
 Ветер, похожий на веретено,
 Совет черно-белое волокно.
 Кожа, сскуженная на свету,
 Разладясь, выпускает в себя темноту,
 Выпустит пустоту.
 Ветки, слипшиеся в жгуты,
 Уже не разбирают, который — ты,
 Им, собственно, все равно,
 Не ровен час и не гладок, но
 Ему голодать и снаружи глодать окно
 И, обрывающему тысячу пуповин,
 Тем не менее тысячу пуповин
 Складывать разом в одно.

Про странство

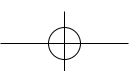
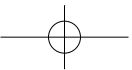
Мое пространство — как яйцо на нитке,
 Мое пространство — как лицо на ветке,
 Наверное, туда-сюда вращаться —
 Не значит — не отсюда возвращаться,
 А обрашаться — значит обручаться
 И обреченно врать своей оси.
 Спроси меня о чем-нибудь полетче —
 Полечат вскользь, но до чего долечат —
 Вдоль блюдечка покотиться далече
 И ргунным шариком доверчиво взлететь.
 А думал — не дотянет и до «сорок». —
 До сора ли, когда изба взметает
 Свои толы, и нас на толловину
 Вышвыривает, и наполовину
 Укромно оставляет про себя?
 Проси о том, чего и сам не знаешь,
 Прости на том, чего и сам не знаешь,
 А простецом потом себя назначишь —
 Краснее и шершавей многократ-
 Но надо же когда-нибудь случиться,
 Когда «не будь» и ветка достучится,
 И нитка о запыстье обручится
 И оборвется после наугад.

* * *

Так — дыханье к дыханью и к локону локон —
 Скручивается двустальный кокон,
 Многоруккий, многоногий, пестрый,
 Как будто бы мы — сямские сестры,
 Впрочем, нет, беру свои слова обратно —
 Мы больше похожи на сямских сестру и брата,
 А еще больше — на сямских кошек,
 У которых на двоих — одна кожа.
 Чувствуешь, как они нюхаются носами?
 Это мы с тобой спутываемся волосами.

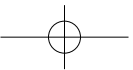
* * *

Девушка-продавщица в маршрутке сидит спиной,
 Похожая на Оксану, не похожая на меня,
 И город встает стеной
 За обеих. И случайный щебень при свете дня
 Поблескивает, как ледяной.
 Девочка-продавщица — тонконосый смешной тотем —
 Говорит подружке: «Захвати мой скраб».
 Я стою лицом к ним и упрямо слежу за тем,
 Как качивается на стекле
 Водителя пластмассовый синий краб.

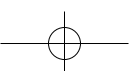
Старое пальто

Ногда мы выбирали мне пальто,
 Ты нервничал, курил ежeminутно,
 По рыночному тесному маршруту
 С тобой прошли мы раз, наверно, сто.
 Тогда носили тонкие шинели:
 «Ты знаешь, я такое не могу», —
 И куртки на искусственном меху,
 Единодушные, со всех лотков краснели.
 Там были разномастные дытанки,
 И холодно, и бойкий дохотрон,
 И рук твоих стекольные ладонки
 Вот-вот, казалось, хрутнут — только тронь.
 Мы непонятно что найти хотели
 В однообразье привозных вещей...
 ...Сегодня память, не сносящая на теле,
 Из путовичных хлынула щелей.

* * *

В сумерках вещи трикидьяваются сами собой:
 Настольная лампа —
 фонарной столбидней;
 Прошлоготдний «Плейбой» —
 Настоящим плейбоем,
 Со всеми любезным сорвилотовой;
 Голубые бои —
 Обоими лицами существа,
 За собой поспевающего едва.
 В сумерках вещи разбрасывают лучи —
 В этом новом сиянье
 Их, попробуй, одну от другой отличи —
 Отлучи
 От груди свою старую кофту,
 От руки — деревянный браслет.
 Брось — и след
 Не оставят. Как будто их не было. Значит, их нет.
 А выходит, и нас — хоть обшарь эту блестящую мглу —
 Не найдешь ни в четвергом, ни в пятом —
 Меж пальцев распятом —
 Углу.

Е В Г Е Н И Я Р И Ц

* * *

Раскрошенное вновь не собирается:

Так, яблоко, выловленное из колодца, —

Уже больше не яблоко, а совсем иной

Шар болезненный, пульсирующий, наливной;

Так, ломоть, отпаханный от батона,

По мягкости приближающегося к состоянию железобетона,

Превращается в поверхность с закрупленными углами,

По вкусу скорее напоминающую о бабл-гаме:

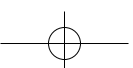
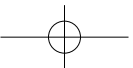
||

Так, осколок бутылочного стекла —

Уже больше не емкость, какой она раньше была,

А ступок, мердающий в глубине

Дыханием пьющего, выдохнутым извне.

* * *

Ну, и что изменилось бы, издай ты
английский вместо немецкого?
Те же чайки
над помойками местного

присхождениа.

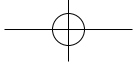
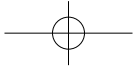
Тебе вообще не даны языки,
и поэтому, чем поступать в иняз,
тебе бы следовало совсем изъять
их из употребления;

и все шероховатости, все комки
отныне прятать в ки-
пенно злых простынях себя,
сбиваясь в один тугой.

Ты думаешь, у тебя появился бы стиль,
как у тех, кто все же туда поступил?
Поступь от этого не станет другой,
не изменится ширина плеч.

Лучше лечь
и подтягивать к животу,
как колени, колкую немоту.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

* * *

Тщетно искала его пин-код.
Звонил каждые пять минут:

— Что, нашла?

— Не нашла. Может, вспомнишь?

— Да нет... Хотя...

Где там... Кор,

То бишь мальчик, то бишь мое дитя,
Чем положено набивал живот,

Пережевывал «Кити Кат».

— Нет,

Не нашла.

...Мой диплом, его,
В уголках пыльца.

А это что? Какой-то лист:
«Я, Вокштейн Инна Во...

...захоронение моего отца...
..Тожал...»

Дрожал

За окнами март.

И солнце катилось вниз.

* * *

Гордость — бедняжка,
Бродяжка, блудлишка,

Блеклая стая, нитяная одежда, —
Свой трепет

Трепашет,

Нутро травянистое треег,

Не по-нашему трит —

Трифель тонкий,

Графит

Пограничный

Молочной соложкой —

Ломкий альт не задорого дрогнет,
Неромкий.

Сотой доли не стоят —
Не горние, дольные соты,

Снедяные красоты,
Дубяные блажные просторы

Простодыры, паскуды, посконной
Ее пасторальной молвы,

Закононого липкого сока.
«Скоко, скоко?» —

Да полные горсти,
И с горки на горку поскок.

Или нет, постепенно, ползком, не надавливай, вдоль,
Дли на вырост, навьлет, на Вы-

Крест ладони, смешной поворот головы...
Иноверка, наверно, не тише травы,

Но слышнее едва ли последней трубы,
Посему на испуг не берет за труды

Заградезная мякоть,
Искомая плоть,

Что из комьев и вмятин

Е В Г Е Н И Я Р И Ц

На самую сквозь —
Белый шелок и лед ядовитых полос,
Полынья ее шелок, полынья волос,
Невеселая сила,
Невеселая снасть —
Говорит: подстелила,
Если бы знала, куда упасть.

* * *

Моя усталость не знает сна,
Моя усталость знает то, чего я не знаю сама,
На белом фоне черна
До чрева, до черенка.

Она — совенок в моем хребте,

Зовет, плазёнками хлопает в темноте.

На тень ее надешь шерстяной кофтак,

И ты увидишь, что все не так,

Как она хочет, как она говорит.

На вид невинная, невыспимая на слух,

Слуг у нее нет —

Она любит только меня,

Крошит в мел мою белую кость,

Тонит меня забивать гвоздь,

Но не тот, который по пальцам и по стене,

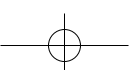
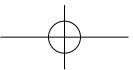
А тот, который по мне, —

И знаешь, это вполне по мне —

По вкусу, зрению — в общем, по всем пяти,

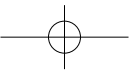
И шестому, сторобленному в горсти.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

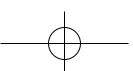
* * *

Нак девочка банальная, большая,
 Барометром не выбитая гладь,
 Мне нечем плакать, незачем гадать
 И шкелотать твою тяжеловесность,
 Невеста кадимь, сторонница руды,
 Скоромная, нестройная норушка, —
 Мне холодно, мне так совсем не нужно! —
 Но и снаружи хуже, чем в груди...
 Где тородить, какие отороды
 Коротких волн на долгих проводах,
 Твоей тороды — тордой, торбоносой —
 Просачивая щепень и тесок —
 Пластом лежать в несказанной болезни?
 Как беспотлезней — справа или влодь?
 А лучше — вдоволь... Но сперва позвол
 В межкожные складные кошелечки...
 Привычки, катышки, укромные кусочки —
 Все так недорого — не стоит и стыда
 По мелочи. Мы помоглим, когда
 Свой беловатый след по выемкам прочертит,
 Как падалица, — робкая звезда.

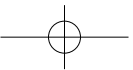
* * *

Я не хочу писать о коже,
 О ее желтизне,
 О ее же
 Сливочной масти на стибе,
 Но попробуй, когда нагими...
 Когда Наг и Нагайга
 Начинают свой вечный распев,
 Под ногами
 Не хрустнет,
 А надо бы, надо бы,
 Надо мной
 В синеве кто-то желтый, тупой
 Распластался,
 Расплатился собой —
 Не особая боль,
 Ну а все-таки жаль
 Кожный шелест, вблизи голубой.

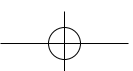
* * *

Речи орешника оставляют желать,
 Лагами желуда, лиственной шелухой,
 Истолать тебе, что ли, ибо глухой
 Твой голос и есть самая эта сладь,
 Соком порой выступающая из пор.
 Легче сладить, спорый воткнуть топор,
 Чем по ветру ветвистые поддавки.
 Тот кто падает, не подает руки
 Многопалой, зеленой. Оборванный разговор
 Еще долго будет плестись. И пусть...
 Бестолково строен его узор
 И почти не страшен дикий терновый куст.

* * *

Нам с Димкой
 И этого хватит:
 Строишь планы,
 В прозрачной планируем вате.
 Одна стена на двоих — вкуснее,
 Одна стена на двоих — честнее.
 Чем мы станем —
 Не знаем сами,
 А, казалось бы, пора уже —
 Не малолетки:
 Вон какие сетки,
 Мешки под глазами.
 Вчера звонила школьная подружка,
 Говорила, что не может купить ягоды детям;
 А нам не нужно ни детей, ни ягод —
 Некуда нам деться
 От терпких наших тальцев,
 Терпеливо ищущих друг друга.

* * *

Туда, где на лицах пелен,
 Засушливый, как Восток,
 Полетит, невесом и беспылен,
 Восьмой лепесток.
 Лепечут кругом наречья,
 Слова катетории сос-
 Тония — в общем, лепче,
 Чем выстроюсь или врозь
 И врозде. В которм? В женском?
 Не страшивай, а шетчи
 О том, что забыла Жена
 И дудочку, и кувшин.

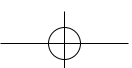
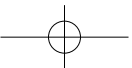
* * *

Эта искренность пахнет вечерней смолой,
 Смелый дым стелет колыдами по мостовой,
 Стань особой приметой,
 Примятой травой,
 Преждевременной пылью,
 Польной вдовой.

Половицы не скрипнут — линолеум стелет ковры,
 Накорми меня манной,
 Подсыпь мне туманной крупы.
 Крепче черного чая, который остынет во мне,
 Станет место печатм
 На внутренней стороне.

В нашем городе строят вторую мечеть,
 Я почти и не знаю, с чего мне начать
 Маловерную проповедь,
 Как мне ее промолчать...

Мелочевка в кармане — что твой пустобред;
 Самой искренней искры не хватит на обогрев.

* * *

Твоя обойма. Что мне в ней?
 Она от пяток до корней;
 И как Корней
 Чуковский говорил,
 Ты — мой до дна
 В застиранной изнанке
 И знаки
 Оставляешь на руке.
 А я болтаюсь тушей на крюке,
 Качаюсь под расчесанной коростой;
 Уже не стану старостой
 И ростом
 Не выйду на коротком поводке.
 А паводки и прочие осадки
 Сметут потенциальные останки;
 Останкино покажет нам кино;
 Каги по мостовой свое колечко.
 Конечно,
 Все исконное конечно,
 А безъсходное шевелится внутри,
 Как в мышеловке —
 На-ка, посмотри
 И, ну-ка, от-
 Немее всех немых —
 Меня положишь локью под язык.

* * *

Брань подворотенная не виснет на воротах,
 А проскальзывает в ту
 Расщелину между костью и нависшим на ней шматком,
 Расползается там,
 Не бесточкоится ни о ком,
 И каждое слово,
 Например «хули», или «блядь»,
 Или любое, которое не рекомендуется употреблять
 При детях младше пяти,
 Пускает там корни, начинает цвести,
 И это ничем уже не извести —
 Потому что — что ж, ведь известь не растворяет слова.
 Стерва
 Они, конечно, трепещут, как мотыльки,
 Собираются на тыльной стороне руки,
 Но потом понимают,
 Что кожа, и жилы, и всякий хлам,
 Который теперь с известью напололам,
 Им не нужен —
 Им не нужны почки,
 Претворяющие воду в мочу
 Посредством обогащения ее селитрой
 (Вроде пьешь-пьешь, а не выходит и литра),
 Не нужна печень, глубокой собирающая страх,
 Не нужен желудочно-кишечный тракт
 (А он уже сжимается — чувствует: что-то не так).
 Итак,
 Когда тело растворяется,
 Как декабрист казенный,
 Каждое слово,
 Что лист оперенный,
 Покидает его чертог —

Е В Г Е Н И Я Р И Ц

Вот вся история в общих чертах.
И поэтому скажи мне «сука», скажи мне «блядь»,
Это не больно, это самый смак —
Твои речи дробью засядут в моих костях,
Чтобы выстрелить,
Лишь только мне выйдет срок.

* * *

Древние рыбы —

Водные ангелы Бога,
Я об этом уже говорил,
А теперь помогу немного,
Потому что молчаливый избраннее немого.

Любший видит всего лишь кожу,
Чешуйки слов под его ногтями,
Хожалье люди осадут на берегу гостями,
А мы расшвыряем себя горстями,
Ни за черту, ни в чертог не вхожи.

Не сложились, не вышли дважды
Не два, но оба.
Как и мы, древние рыбы не знали жажды,
А если тили, то чтобы небо смочить —
Не небо.

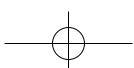
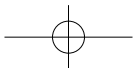
ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

* * *

Забери меня из Твоих скобок,
 Потому что, несчастный убождок,
 Я не в меру почитаю, робок.
 Вот бы рассыпались все Твои скрепки,
 Яркие, цветные,
 Так, чтобы торчала кверху гота,
 Когда нагибашься за ними.

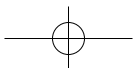
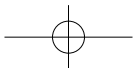
* * *

Кистеперья ходят по дну,
 Не оставляют меня одну,
 Трогают меня тут и там,
 Подправляют на мне штрихи
 Влажной кистью —
 И это не всякое вам
 «Хи-хи».
 Они ходили по воду
 Не только по этому,
 Но и по иному поводу,
 И только поэтому
 У них в поводу
 Я так легко иду.
 И душно, и страшно
 Под этой водой —
 Такой невесомой, такой густой,
 Она пахнет ржавчиной,
 И я не вижу причины
 Ржать надо мной.
 Надо мне больно
 Ваш легер и бред,
 Когда обо мне —
 Вся эта толща лет,
 И Завет
 Еще не завешан,
 И зовет
 И горопит
 Перо в бок,

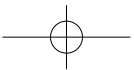
ЕВГЕНИЙ РИЦ

И мне так больно,
Но я бегу —
Заводным кистеперым зябликом,
Бликом на донном его лугу.

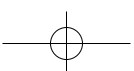
* * *

Но женщиной не станет заяц
 Не станет сумраком сова
 Давай-давай не отвлекайся
 Тони холеные слова
 По буеракам и баракам
 По синим тропам горловым
 Чего еще там наваракал
 Тони потом потоворим
 Потом-потом по той по самой
 Наотмашь ласковой живой
 Хватай солидными кусками
 Над головой
 Тани беззвучно замкаюсь
 По нитке что два-два
 Пусть женщиной не станет заяц
 Но станет сумраком сова
 Взмахнет заушает заплещет
 И под крыла подкравишься к ней
 Почувствуем мы много легче
 И беспощадней и нежней

* * *

— Мы купим маленький домик
 И маленький магазинчик
 Считившись мизинчиком за мизинчик
 Мы никогда не поссоримся
 В нашем магазинчике
 Мы будем продавать разные крупы
 Рис, например, или саго
 «Сага
 о свинье» Вудхауза
 Станет настольной книгой
 И еще леденцы разноцветные в банке
 И хранить бережения в банке
 А если ты умрешь
 И оставишь меня одну
 Я, наверное, больше никогда не усну
 И буду ночами выть на луну
 И еще мороженое, которое движут —
 Слегка
 Першит в горле
 Зимой мы будем кататься на лыжах
 И на коньках
 А еще соль, стички, всякую ерунду
 Я от тебя никогда не уйду
 — А я от тебя.

* * *

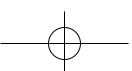
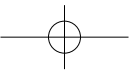
В край зеленого Ислама...
А. Курдянов

Мекканский храм шестигульный
Стоит в далекой стороне.
Там не бываешь тебе и мне
По логике весьма банальной:
Мне — по причине менструпации,
Тебе — поскольку не обрезан...
Не стоит, впрочем, удручаться:
Теперь не кинешь взор куда,
Стоят иные города,
Сверкая медью и железом.

* * *

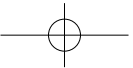
Куриллу Рафаиловичу Кобрилку

Нак ваши крылья белы и остры,
Мальчишки, писающие в костры.
Запах помоек да чаичий там —
Даже слепой позавидует вам.
Мало-помалу под Волжский Откос
Катится Город с трамвайных колес.

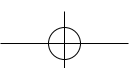
* * *

Он будет долго вспоминать
 О той, что не умела плавать.
 ...Сочился солнца сбитый локоть
 На тесном пляже городском.
 Песком засыпанные ноги,
 Они когда-то были ноги,
 Но остыдились наготы,
 И живота смешные складки,
 Как, вероятно, будут складки
 Великолепные остатки
 Позавчерашней красоты,
 Которые пребудут, где...
 Зашла, поскикала в воде.

* * *

Подержи-ка, как бы чего не вышло,
 Не выбежало наружу,
 Не нарушив
 Брошенного на плаву
 На плоту, во плоти, в оплату,
 Дымчатую его плеву,
 Тающую заплату.
 Посвяти, на руки слей,
 Прими на поручи,
 Злей посвети —
 На всю округу —
 Бликлом белмого, без порока,
 Холостого его выстрела,
 Скопческого барроко.
 На клочки клокоча,
 На колечки, клички,
 Опричь, полперечь плеча
 Безобидны твои клячки,
 Золотые лычки.
 В подвязычье держи,
 Не глотай,
 Но не как оратор,
 Как нутра моего орагай,
 Лузма, голода моего глашатай,
 Безголоосый,
 Но не менее от того крылатый.

ЕВГЕНИЙ РИЦ

И не более, но затем ли
Пусть не больно, но беспредельно
Перечеркнуто, пережено —
Перестать бы, да полно, где там, —
Первым станет
Всего лишь тело,
Шепот поща его, тайна его секрета.

* * *

Мне совсем не нравятся никакие негры,
А нравятся руки белее снега,
И тут ничего уже нельзя сделать,
Потому что так хочет мое тело.
А еще оно хочет забиться в щелку,
С куклолку стать, с иполикку,
А еще оно хочет совсем растаять,
Разбросать себя по углам на память,
Разбиться на тысячу горьких капель,
Просочиться к соседям, обрызгать кафель.
Итак, оно хочет быть нигде и повсюду,
И не спрашивает, где же я в это время буду.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛЕГКОСТИ

* * *

Рисуешь гелевыми ручками,
Серебряной и золотой,
Вот эта обезьянка с рожками,
А также с ножками и ручками
Отнюдь не блещет красотой.
Ну, а когда она блистала,
То это, верно, кто-нибудь,
Уже не ты, а тонкий, четкий
Нанес божественные точки
На сумрачную гладь листа.

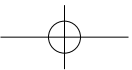
* * *

Словно белые вкрапленья
В шоколаде «Тоблерон»,
Полетели-полетели
Мы с тобой со всех сторон,
Над модальным зоосадом,
Над зачеркнутой рекой.
Ничего-то нам не надо,
Отчего же он такой?
(В смысле — город наш родной.)
Изумленной смотрит букой,
Весь пронзительный, как свист,
То ли вовсе он безрукий,
То ли на руку нечист
Он, желанием согбенный
В перманентной синеве.
Станет светлым-светлым-светлым,
И застынет, и пове-

рит,
А потом вздохнет и снова
Станет тихо, несмешно,
Полетоньку, на два слова
В карамельное ушко.

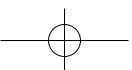
* * *

Натешушь власть
 И влопть,
 И вкривь тебя
 И вкось.
 Ну,
 Понеслась —
 И в кровь твою,
 И в кость
 Под равномерный рокот терептонок,
 Щемщее мерцание висков.
 Какие выражи,
 Отменные стирали
 По жилкам,
 По душкам,
 Шажками
 В глубину.
 А мы, два дурака,
 Ведь жили и не знали,
 О том, что можно так...
 — Позволь, и я влохну.

* * *

Душа-полевка проскользнет
 Вдоль тусклых городских каналов,
 Когда б она иное знала,
 Загадывала наперед,
 Натерчет, на перестрелку,
 Натерсница не первых слов,
 Забывши мятные пастилки
 За мятым ворохом основ...
 Но нет — почто такие дебри,
 Когда и слаще, и теплей,
 Когда фонарных линий стелли
 Напоминают о тебе.

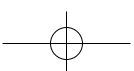
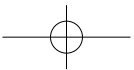

* * *

Вот сосиска в прозрачной кожурке.
 Как жарко.
 Видно, дали тепло.
 Подойти, багарен пощупать,
 Пошутить про Ташкент,
 Где уютнее было про Кушку
 На границе меня и меня.
 Легковерные очи тарелку и кружку
 На сплошное мгновенье приколот, как брошку,
 У ключиц настопающего дня.

* * *

Вот, колесики готовальни
 Раскатились по всем углам.
 Опять не позвали,
 Даже не позвонили,
 Казалось бы — и черт с ними,
 Да, но:
 Я така,
 Конечно, хотела бы голад и босса,
 Без всяческого стыда,
 Но куда:
 Поди попробуй:
 Побегай тут, попрыгай,
 Когда не яшерка,
 Не стрекозка
 Сквозь вьонки мои, осколки.
 Постольку
 Хотела бы быть иною,
 Хотела бы быть викой беловой,
 Да, для начала хотя бы Викой,
 Запахом ее, земланикой,
 Звоном ее, походкой.
 Но и у Вики свои повадки,
 Свои, так сказать, засколки:
 То да се,
 Со среды на вторник,
 Лишний раз вгоровгах не вздрогнет.
 Ну да ладно,
 К чему эти речи,
 Когда надо бы
 Круче, резче
 Завивать соляные прядки?
 Правда-правда.

Весьма забавно:
 Неопрятны
 Мои утехи,
 А успехи
 И того плачевней,
 Чем бы
 Ни утешалась,
 На поверку —
 Такая малость.
 А не пора ли
 Теми же самыми ногами...
 Ну и что, что не позвали
 И даже не позвонили,
 Я-то не с ними,
 Я с тобой, мой милый,
 И что нам их жалость,
 Что наша робость,
 Когда под нами
 Вне себя одинокий глобус
 Протпывает за облаками?

* * *

Скверный мальчик
 ворует мелочь
 из карманов
 в раздвевалке
 едва ли
 реже, чем
 два раза на день.
 На деньги игры —
 честь
 невелика.
 Вопросыплы
 не лучше, чем иная пытка:
 лишь раз-
 бежиться прыткою,
 а сестрь
 (равно — не сестрь)
 и некуда —
 несешь себе бог вестрь...
 Узка
 и неприметна клетка,
 где ловкий сорванец
 облаживает ветхие манатки.
 Впрок не пойдет
 нестертая монетка
 лязька,
 двунадесятого,
 блаженного, немого,
 а второпях обр ненное слово
 так невзначай
 блеснет у каблукка.

Привчашацца прочным, простым вещам,
 Веской сути их, суете вешать,
 Вешать — плечики, платья, пыль,
 Вдоль карманов, вытачек, стирочек пыль,
 Вместе с прочим вечным топтать, вешать.
 Вотще трещинки, вешки в швах,
 Дело — швах.
 Тело — шкаф.
 Легкой молью порхает среди белья
 Что-то белое. Это — я.

Станислав Львовский. Метапогрохосон

5

I

«Терпение — как рыба терпук...» 11
 «Вот, опять белье постельное продавали...» 12
 «Ошущая на ошупь ступтени босой ступней...» 13
 «Возвращаясь к легкости, ероша кончик ее крыла...» 14
 «Как бесстризорник вожделеет Крыма...» 15
 «Материнскую платку вносят вперед ногами...» 16
 «Мне досталось не по заслугам...» 17
 «Детра...» 18
 «Мои слова абстрактнее меня...» 20
 «Положив под голову жесткость...» 21
 «Как старый хитпан, переживший свой возраст...» 23
 «Зимнюю обувь съедают соль и песок...» 24
 Про странство 25
 «Так — дыханье к дыханью и к локону локон...» 26
 «Девушка-продащица в маршрутке сидит спиной...» 27
 Старое пальто 28
 «В сумерках вещи прикидываются сами собой...» 29
 «Раскрошенное вновь не соберется...» 30

II

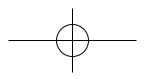
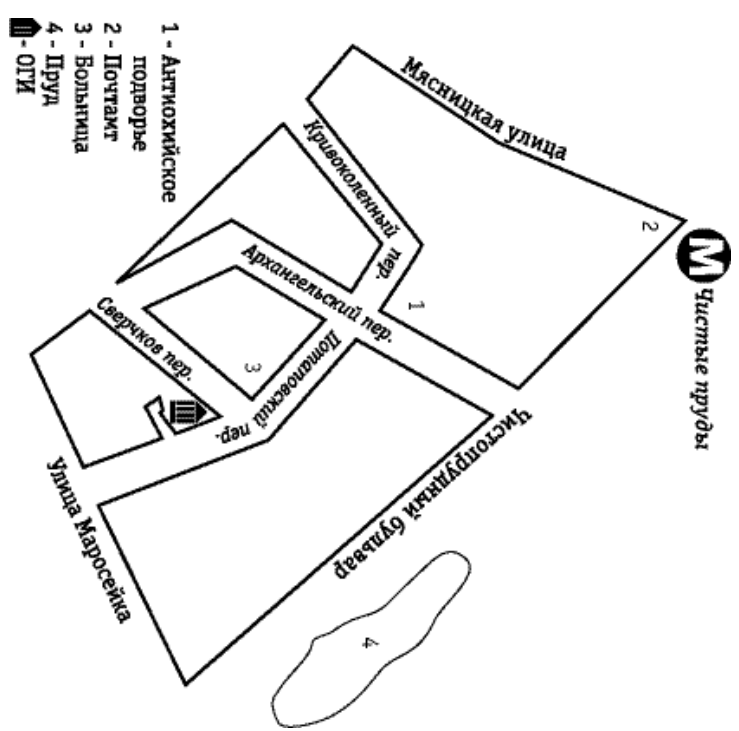
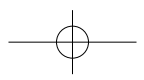
«Ну и что изменилось бы, изучай ты...» 33
 «Глупство искала его пин-код...» 34
 «Гордость — бедняжка...» 35
 «Моя усталость не знает сна...» 37
 «Как левочка банальная, большая...» 38
 «Я не хочу писать о коже...» 39
 «Речи орешника оставляют желать...» 40
 «Нам с Димкой...» 41

Е В Г Е Н И Я Р И Ц

«Туда, где на лицах пепел...» 42
 «Эта искренность пахнет вечерней смолой...» 43
 «Твоя обойма. Что мне в ней?..» 44
 «Брань подвороженная не виснет на вороту...» 45
 «Древние рыбы...» 47
 «Забери меня из Твоих скобок...» 48
 «Кистеперые ходят по дну...» 49

III

«Но женщиной не станет зац...» 52
 «— Мы купим маленький домик...» 53
 «Мекканский храм шестигульный...» 54
 «Как ваши крылья белы и остры...» 55
 «Он будет долго вспоминать...» 56
 «Подержи-ка, как бы чего не вышло...» 57
 «Мне совсем не нравятся никакие негры...» 59
 «Рисуешь гелевыми ручками...» 60
 «Словно белне вкратленья...» 61
 «Натешусь властью...» 62
 «Душа-полевка проскользнет...» 63
 «Вот сосиска в прозрачной кожурке...» 64
 «Вот, колесики готовальни...» 65
 «Скверный мальчик...» 67
 «Причащаться прочным, простым вещам...» 68

Москва, Потоловский пер., 8/12, стр. 2
 (м. «Чистые пруды», «Китай-город»)
 вход со двора
 тел.: 927 53 66, 710 61 74
 e-mail: проект-ogi@mail.ru

Литературно-художественное издание

Риц Евгения Семеновна Возвращаясь к легкости

Идея серии: Д. Борисов, Н. Охотин

Ответственный редактор Е. Савина

Ведущий редактор О. Старикова

Макет серии: С. Митурич

Обложка: М. Авдин

Компьютерная верстка: А. Иванов

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (095) 924-57 61, тел.: (095) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

м. «Чистые пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5, кафе «Вилингва»;

м. «Чистые пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;

Кафе «Пиротки»: м. «Площадь Революции»/«Дубанка», ул. Никольская, д. 19/21;

м. «Охотный ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;

м. «Перово», Зеленый прост., д. 5/12

Заказать книги ОГИ можно: тел. (095) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Оптовые продажи: тел. (095) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить: www.estelip.com

Подписано в печать 31.03.2005. Формат 84×108 1/32. Гарнитурa OffisinaSetif.

Объем 2,25 печ. л. Вумата офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ №